

Право и политика*Правильная ссылка на статью:*

Бельшков Д.С. Конституционный запрет использования доказательств, полученных с нарушением закона в практике Верховного Суда Российской Федерации // Право и политика. 2025. № 2. С.52-64. DOI: 10.7256/2454-0706.2025.2.73453 EDN: DNJPRU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73453

Конституционный запрет использования доказательств, полученных с нарушением закона в практике Верховного Суда Российской Федерации**Бельшков Дмитрий Сергеевич**

ORCID: 0000-0002-7279-7421

аспирант; Юридический факультет; Государственный академический университет гуманитарных наук

119049, Россия, г. Москва, Мароновский переулок, дом 26

 belyshkov@mail.ru[Статья из рубрики "Судебная власть"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0706.2025.2.73453

EDN:

DNJPRU

Дата направления статьи в редакцию:

22-02-2025

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: Работа погружается в историю применения конституционного правила, запрещающего использовать в суде доказательства, добытые с нарушением закона. Автор достигает цель в выявлении системных противоречий в практике Верховного Суда РФ – баланс между буквой закона и поиском истины: когда формальные ошибки следствия «прощаются» ради установления виновности? С 2017 года суды стали отсеивать только доказательства с «существенными» нарушениями, оставляя лазейку, что предлагается именовать «принципом добросовестного нарушения». Однако граница между существенными и несущественными нарушениями, так и не была обозначена. Работа позволила отследить переход практики от жесткого формализма до гибкой системы оценки нарушений. Действующая практика не содержит четких критериев

оценки существенности нарушений, что создает правовую неопределенность и не позволяет предугадать результат судебского усмотрения. Методология научной статьи основана на историко-правовом методе, сравнительно-правовом анализе, качественном контент-анализе. Автором предложено посредством Постановления Пленума ВС России закрепить классификацию критериев существенности нарушений, что также отражает новизну исследования. Такая система, по мнению автора, остановит «покровительство стороне обвинения»: судьи перестанут закрывать глаза на нарушения следствия, а обвиняемые получат предсказуемые гарантии. Чтобы идея заработала, нужно закрепить правила в новом постановлении Пленума, что станет мостом между теорией закона и судебной реальностью. Результаты исследования следует рассматривать как инструмент для реформы, что позволит достичь баланса между формализмом и объективной истиной. Дуализм между конституционным запретом и судебной практикой ставит под угрозу верховенство права, трансформируя процессуальные гарантии в инструмент гибкого обвинения. Для преодоления этих противоречий необходима систематизация нарушений через законодательное закрепление иерархического каталога, дифференцирующего их значимость.

Ключевые слова:

конституционный запрет, доказательства, уголовное судопроизводство, доказывание, исключение, допустимость, существенные нарушения, добросовестное нарушение, классификация, уголовный процесс

Конституционный запрет использования доказательств, полученных с нарушением федерального закона, является краеугольным камнем гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве. Однако его практическая реализация сталкивается с системными противоречиями, обусловленными коллизией между необходимостью обеспечения законности и стремлением к установлению материальной истины. Верховный Суд Российской Федерации, выступая в роли интерпретатора конституционных норм в судебных актах, иногда демонстрирует непоследовательность в оценке допустимости доказательств, что порождает дискуссии о пределах судебного усмотрения. Цель статьи — выявить ключевые проблемы применения конституционного запрета в практике Верховного Суда Российской Федерации и предложить модель его унификации, основанную на балансе между правами обвиняемого и публичными интересами. Методология статьи основана на историко-правовом подходе, сравнительно-правовом анализе, контент-анализе. Историко-правовой метод позволил проследить эволюцию подходов Верховного Суда РФ, выделив три ключевых периода. Сравнительно-правовой анализ использован для сопоставления норм Конституции РФ, УПК РФ и их интерпретаций в судебной практике, что выявило правовые коллизии. Качественный контент-анализ применен для систематизации терминов («существенность нарушения», «добросовестное нарушение»). В совокупности эти методы обеспечили комплексное исследование проблемы, сочетающее ретроспективу, анализ действующих норм и прогностические предложения по введению классификации. Новизна настоящего исследования заключается в предложении классификации критериев существенности нарушений, как оснований для признания доказательств недопустимыми на базе изменения практики Верховного Суда России в рамках выделенных периодов.

Как установлено частью 2 статьи 50 Конституции Российской Федерации и статьей 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, доказательная база,

сформированная с нарушениями требований федерального законодательства, не может быть признана допустимой в судопроизводстве. Эти правовые положения, зафиксированные в указанных нормативных актах, объединяются в юридической доктрине под обобщающим понятием «конституционная недопустимость противоправно полученных доказательств».

Мотивы введения запрета на использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона заложены в практике применения насилия, пыток и иного жестокого обращения, что нарушало конституционные права на личную неприкосновенность и достоинство личности, как указывали О. Н. Надоненко [1, с. 20 - 24.1], В. И. Качалов, О. В. Качалова, Е. В. Марковичева [2, с. 23], Е. Б. Мизулина [3].

«Период формальной законности» в отношении оценки нарушений, полученных при собирании доказательств

Институт запрета на использование незаконно приобретенных доказательств вошел в правовую систему России одновременно с принятием базовых редакций как Основного закона страны, так и уголовно-процессуальных норм. Примечательно, что суть данных правовых положений сохранилась без редакционных изменений с момента их первоначального закрепления. Однако за годы правоприменительной деятельности интерпретация и реализация конституционного принципа недопустимости полученных с нарушением доказательств подверглись серьезной трансформации. Судебная практика демонстрирует эволюционный подход к трактовке этих норм, отражающий изменение представлений о процессуальной справедливости и балансе интересов сторон судопроизводства.

Буквальное толкование запрета заключается в том, что любое нарушение закона влечет невозможность использования доказательства. В 1995 году Верховный Суд Российской Федерации ограничил нарушения, которые могут служить препятствием для использования их в качестве доказательства. Согласно пункту 16 Постановления Пленума ВС РФ №8 от 31 октября 1995 года «О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при отправлении правосудия», к основаниям для признания доказательств недопустимыми относятся:

1. несоблюдение конституционных гарантий прав и свобод личности;
- 2 . процедурные нарушения при формировании доказательной базы в уголовном процессе;
- 3 . получение доказательств лицами или инстанциями, не обладающими соответствующими полномочиями, либо с применением методов, не регламентированных процессуальными нормами.

Указанные формулировки носили универсальный характер, что, в соответствии с буквальным толкованием высшей судебной инстанции, позволяло отсеивать доказательства при любых отклонениях от законодательных требований, включая даже формальные процессуальные погрешности. При этом законодатель не предусматривал каких-либо ограничительных рамок в отношении степени или характера выявленных нарушений. Подобная трактовка создавала прецедент для максимально строгого подхода к оценке законности источников доказательств в судебной практике.

В правовой доктрине и практике данный подход был принят двойственno. С одной стороны ученые признают, что требуется неукоснительное соблюдение закона, т.к. в

противном случае могут быть получены и использованы любые доказательства, которые противоречат самой сути закона (А. Шурыгин [\[4\]](#), В. В. Казначейский [\[5, с. 26-30\]](#)), а его нарушение должно повлечь за собой негативное последствие – исключение доказательства, с другой стороны исключение доказательства по причине, не являющейся значимой, может повлечь за собой несправедливое освобождение виновного лица от уголовной ответственности, чего нельзя допускать (Л. Н. Масленникова [\[6\]](#), Н. Гаспарян [\[7\]](#)). Дискуссия имеет актуальность по настоящий момент.

На рубеже смены веков суды активно исключали доказательства по формальным основаниям [\[7\]](#), что влекло за собой массовое вынесение оправдательных приговоров, что не соответствовало целям уголовного закона, и вероятно, повлекло за собой изменение практики Верховного Суда Российской Федерации. До 2004 года можно рассматривать практику Верховного Суда Российской Федерации как «Период формальной законности». Официальные мнения и подходы не излагались, что влекло за собой безусловное соблюдение конституционного запрета на использование доказательств, полученных с нарушением закона. Однако «Период формальной законности» затянулся и породил практику, которая не устраивала Верховный Суд Российской Федерации, о чем с 2004 по 2017 года указывалось в судебных актах по конкретным делам. Обозначенный временной промежуток можно назвать «Период изменчивости», т.к. мнение высшего суда менялось в процессе рассмотрения конкретных нарушений, но еще не приняло окончательной формы.

«Период изменчивости» в отношении оценки нарушений, полученных при собирании доказательств

Отправной точкой рассматриваемого этапа стало издание Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 № 1, где высшая судебная инстанция впервые закрепила обязанность судов устанавливать конкретные формы проявления выявленных нарушений при оценке допустимости доказательств. Однако суд не указывал с какой целью необходимо выяснить существо нарушения, что фактически принималось как формальное требование к мотивированной части судебного акта. Позднее Верховный Суд Российской Федерации более четко стал излагать свой подход.

В рамках кассационного производства (Определение Верховного Суда РФ № 59-009-26 от 19.08.2009) высшая судебная инстанция указала на процессуальный пробел: представленное доказательство было получено до официального возбуждения уголовного дела, что исключило возможность законного изъятия предмета по правилам ст. 183 УПК РФ. Суд акцентировал, что в такой ситуации следователь не обладал законными основаниями для проведения выемки, поскольку процессуальные действия в досудебной стадии строго ограничены рамками законодательства. Таким образом, не оспаривая наличие формального нарушения закона доказательство все равно было признано допустимым, что фактически противоречило конституционному запрету и ранее вынесенному Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия». Далее практика развивалась в том же направлении.

Согласно Апелляционному Определению от 07.11.2014 № 23-АПУ14-10 Верховный Суд Российской Федерации указал, что «отсутствие ... подписи ... понятых на пакетах с изъятыми ...» не влечет признание исключение протокола осмотра места происшествия. Демонстрируемые примеры являлись актами по конкретным уголовным делам, что не давало судам свободу заимствования опыта и признания допустимыми доказательств,

полученных с несущественными нарушениями закона.

«Период объективной истины» в отношении оценки нарушений, полученных при собирании доказательств

Только Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» изменило практику окончательно. В указанном акте содержалась норма о том, что не любые нарушения закона препятствуют использованию доказательства, а только «существенные». Также нарушения не любого закона, а только уголовно-процессуального являются препятствием для использования доказательства.

При этом, критерии существенных нарушений не раскрывались, что привело к большей проблеме в практике применения ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации, ст. 75 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Ранее суды должны были исключать все доказательства, нарушающие закон, что в большей степени соответствовало интересам обвиняемого, тогда как с 19.12.2017 года начался «Период объективной истины», в котором суды определяют существенность нарушения, что соответствует в большей степени публичным интересам в ущерб обвиняемому.

В правовой доктрине часть ученых придерживается формального подхода о необходимости исключения доказательств независимо от существенности нарушения исходя из прямого указания закона. Например, Т. Ю. Вилкова, Т. Ю. Максимова, А. А. Ничипоренко [8, с. 132-141] считают, что с учетом того, что критерии существенности отсутствуют, любые доказательства, в отношении которых есть сомнения на предмет того, является ли нарушение существенным, должны быть исключены, что соответствует прямому указанию закона. В. С. Балакшин [9, с. 24-33], не акцентируя внимание на позиции Верховного Суда Российской Федерации указывает, что действующая редакция статья 75 является несовершенной и требует доработки, т.к. признание доказательств недопустимыми должно исходить только из нормы закона, а не разъяснений высшего суда. Другая часть поддерживает действующую позицию Верховного Суда Российской Федерации и считает, что исключать необходимо лишь доказательства, не соответствующие отдельным положениям закона, что требует уточнения критериев существенности. Так, А. В. Смирнов [10, с. 20-23], расширяет позицию Верховного Суда Российской Федерации, указывая что в качестве существенного следует рассматривать те нарушения, которые противоречат не только формальным критериям, но также затрагивают материальные критерии, а значит приобретают «фатальный характер». А. Е. Ситников [11] подчеркивая проблему отсутствия критериев существенности предлагает их уточнить посредством привязки к нарушению уголовно-процессуальных прав участников уголовного процесса, принципов уголовного процесса, а также требованиям к формам процессуальных документов. Схожей позиции придерживаются А. С. Есина, М. А. Чиковани [12], дополнительно указывая, что существенным нарушением также является собирание доказательства ненадлежащим субъектом. В. Н. Исаенко, Ю. Я. Власов [13, с. 59-65] считают законодательную норму ст. 75 уголовно-процессуального закона несовершенной, положительно оценивают разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, указывая, что они даже в несовершенной форме более конкретны, чем нормы закона.

Однако конкретизация критериев существенности нарушений в настоящий момент не разработана. Ученые также не сходятся в едином мнении о том, какие нарушения следует признавать основанием для исключения доказательств, что говорит о

недостаточной степени изученности рассматриваемого вопроса.

В связи с чем на настоящий момент в российской доктрине сохраняется дуализм подходов. С одной стороны, формальный запрет не допускает исключений, с другой — практика Верховного Суда Российской Федерации предусматривает возможность сохранения доказательной силы при «незначительных» нарушениях. Эта дилемма создает правовую неопределенность. При этом суды обязаны следовать подходу Верховного Суда Российской Федерации, т.к. их решение об исключении доказательства по формальному нарушению в любом случае может быть отменено высшим судом.

Сам по себе подход к исключению доказательств при наличии только существенного нарушения верен, т.к. нельзя любое нарушение использовать как оправдание, если объективно установлена виновность достоверными данными. Но возложение на суды обязанности по оценке существенности доказательств является опрометчивым и порождает де-факто «принцип добросовестного нарушения» для правоохранительных органов, что не отвечает принципу законности.

Названный нами «принцип добросовестного нарушения» представляет собой сложившийся в судебной практике неформальный подход, основанный на праве судей самостоятельно определять степень значимости процессуальных нарушений, допущенных при формировании доказательств. Суть этой концепции состоит в следующем: даже при выявлении отступлений от правовых норм в ходе следственных действий, полученные материалы могут сохранить юридическую значимость, если суд квалифицирует нарушения как «несущественные» или «недобровольные» (то есть совершенные без умысла и не повлекшие искажения информации).

Таким образом, правоприменители, допустившие формальные упущения, получают возможность использовать такие доказательства в процессе, если судебная инстанция сочтет, что ошибка возникла вследствие объективных обстоятельств, а не системного пренебрежения законом. Данная доктрина, не будучи прямо закрепленной в законодательстве, фактически смягчает действие запрета на использование материалов, полученных с нарушениями, вводя критерий «разумной допустимости» процессуальных погрешностей.

Названная доктрина ослабляет защиту прав обвиняемого, так как суды, стремясь обеспечить обвинительный приговор, склонны оправдывать нарушения, допущенные следствием. Например, доказательства, полученные при незаконном обыске, могут быть сохранены, если суд посчитает, что они «достоверны». Это противоречит принципу законности, требующему неукоснительного соблюдения процедурных гарантий.

Отсутствие чётких границ между «существенными» и «незначительными» нарушениями создаёт стимул для следствия игнорировать процессуальные нормы, рассчитывая на «лояльность» суда. Например, несоблюдение права на защиту может быть оправдано ссылкой на «добросовестное нарушение» следователя.

Таким образом, «принцип добросовестного нарушения» трансформирует процессуальные гарантии в инструмент гибкого правоприменения, где интересы обвинения превалируют над защитой конституционных прав личности. Это ставит под вопрос реализацию ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации.

Для преодоления существующей правовой неопределенности целесообразно систематизировать нарушения, влияющие на допустимость доказательств, через создание и законодательное закрепление иерархического перечня. Такой каталог

должен четко дифференцировать степень существенности нарушений, основываясь на их связи с охраняемыми правовыми ценностями, и предусматривать соответствующие процессуальные последствия. Поскольку запрет на использование недопустимых доказательств вытекает из конституционных принципов, классификация нарушений должна отражать их значимость в контексте защиты прав человека, закрепленных как национальным, так и международным правом.

Предлагается закрепление следующего каталога существенности нарушений в рамках конституционного запрета на использование доказательств, полученных с нарушением закона:

1. Нарушение конституционных прав и свобод. Данная категория должна влечь безусловное признание доказательств недопустимыми, поскольку Конституция Российской Федерации обладает высшей юридической силой (ст. 15), а ее нормы гарантируют фундаментальные права личности (например, право на неприкосновенность жилища — ст. 25). Игнорирование этих гарантий подрывает легитимность всего процесса, даже при установленной виновности. Пример: доказательства, полученные через обыск без судебного решения, автоматически теряют силу, так как нарушают положения ст. 25. Это обеспечивает соблюдение верховенства права и предотвращает злоупотребления со стороны правоохранительных органов.
2. Нарушение международных норм в сфере прав человека. Международные акты интегрированы в российскую правовую систему (ст. 15 Конституции Российской Федерации), однако их применение часто требует интерпретации с учетом национального контекста. Например, нарушение сроков уведомления о задержании, предусмотренных международными стандартами, может быть признано несущественным, если не повлияло на справедливость судопроизводства. Однако систематическое игнорирование таких норм (например, пытки) должно однозначно исключать доказательства.
3. Процедурные нарушения. Ошибки в процессуальных действиях (например, несоблюдение порядка допроса по ст. 189 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации) не всегда фатальны. Их существенность должна оцениваться через призму влияния на достоверность доказательств и права участников процесса. Так, отсутствие подписи понятого в протоколе обыска может быть признано несущественным, если подлинность доказательств подтверждена иными способами. Однако если нарушение исказило смысл доказательства (например, отсутствие допуска лица в качестве специалиста с соблюдением норм закона), оно подлежит исключению. Данный критерий балансирует между строгостью процедуры и эффективностью правосудия.
4. Нарушение иных норм закона. К данной категории относятся нарушения, не затрагивающие напрямую права обвиняемого или процедуру доказывания (например, технические ошибки в документах). Они признаются существенными лишь в исключительных случаях, когда создают риски судебной ошибки. Например, опечатка в постановлении о возбуждении дела, не препятствующая его идентификации, не влечет исключения доказательств. Однако нарушения процессуального закона, ведущие к утрате доказательства, должны признаваться существенными. Это обеспечивает гибкость, предотвращая формализм.

Динамика правоприменения и эволюция правовых стандартов требуют, чтобы каталог оставался открытым. Это позволит включать новые виды нарушений, выявленные в практике, без частого изменения закона. Например, развитие цифровых технологий

может потребовать дополнения каталога нормами о незаконном сборе цифровых данных. При этом окончательная оценка существенности должна оставаться за судом, что соответствует принципу независимости судебной власти (ст. 120 Конституции Российской Федерации). Такой подход минимизирует риски «доброповестных ошибок» правоохранителей, сохраняя баланс между защитой прав и эффективностью уголовного преследования.

Предлагаемый каталог следует ввести действие в очередном Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, что будет последовательным и логичным завершением «Периода объективной истины» и позволит перейти в «Сбалансированный период», который будет объединять в равной степени публичные интересы и права обвиняемого.

Практика Верховного Суда РФ в сфере применения конституционного запрета демонстрирует необходимость поиска баланса между формализмом и гибкостью. Предложенные меры — стандартизация критериев существенности нарушения — способны усилить уголовно-процессуальное законодательство за счет формирования правовой определенности при реализации конституционного запрета на использование доказательств, полученных с нарушением закона.

Текущее недостаточное внимание к правоприменению ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации приводит к различиям в судебной практике и нарушению баланса прав обвиняемых и публичных интересов.

Выводы

Таким образом, эволюция подходов к допустимости доказательств в российском уголовном процессе отражает глубокий конфликт между формальными гарантиями законности и прагматикой правоприменения. Введение «периода объективной истины» в 2017 году, закреплённого Постановлением Пленума ВС РФ № 51, сместило акцент с безусловного исключения нарушающих закон доказательств на оценку их существенности. Это породило «Принцип добросовестного нарушения», позволяющего сохранять доказательную силу материалов, полученных с процессуальными нарушениями, если суд обозначит их как незначительные. Однако отсутствие чётких критериев существенности привело к правовой неопределенности, ослаблению защиты прав обвиняемого и рискам злоупотреблений со стороны следствия. Дуализм между конституционным запретом и судебной практикой ставит под угрозу верховенство права, трансформируя процессуальные гарантии в инструмент гибкого обвинения.

Для преодоления этих противоречий необходима систематизация нарушений через законодательное закрепление иерархического каталога, дифференцирующего их значимость. Предложенная классификация, основанная на приоритете конституционных прав, международных стандартов, уголовно-процессуального законодательства и технических ошибок, позволит устраниć субъективизм в оценке доказательств. Открытый характер каталога, допускающий включение новых видов нарушений (например, связанных с цифровыми технологиями), обеспечит адаптацию к динамике правоприменения. Такой подход восстановит баланс между защитой личности и эффективностью уголовного преследования, минимизировав риски «доброповестных ошибок» и вернув процессуальным нормам роль гаранта справедливости, а не формальности.

Библиография

1. Надоненко О.Н. Формирование экспертной комиссии-еще одна "канцелярская ошибка" или недопустимое доказательство // Администратор суда. – 2023. – № 3. – С. 20-24.
2. Качалов В.И., Качалова О.В., Марковичева Е.В. Рассмотрение уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства: научно-практическое пособие. Москва: Проспект, 2023. – 96 с.
3. Мизулина Е.Б. Стенограмма парламентских слушаний на тему «15 лет со дня принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: стратегия совершенствования уголовного правосудия» 20 декабря 2016 года // <http://council.gov.ru/media/files/IHEoJTBnnXWxACFrHJYQzoe1BG8W52jN.pdf> (дата обращения: 20.02/2025)
4. Шыргин А. Защита в судопроизводстве с участием коллегии присяжных заседателей // Российская юстиция. – №№ 8, 9. 1997.
5. Казначейский В.В. Показания понятого, существующие проблемы реализации конституционного права не свидетельствовать против себя // Российский судья. 2023. – № 10. – С. 26-30.
6. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве: монография / Е.К. Антонович, Т.Ю. Вилкова, Л.М. Володина и др.; отв. ред. Л.Н. Масленникова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: НОРМА, ИНФРА-М, 2022. 448 с.
7. Гаспарян Н. Негативная практика обрела правовой фундамент в Постановлении Пленума ВС РФ (начало) // Адвокатская газета. – 2018. – <https://www.advgazeta.ru/mneniya/pochemu-dopustimy-nedopustimye-dokazatelstva/> (дата обращения: 08.03.2024) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95610/ (дата обращения: 20.02.2025)
8. Вилкова Т.Ю., Максимова Т.Ю., Ничипоренко А.А. Перспективы развития уголовного судопроизводства в условиях цифровизации общества и государства // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 12. – С. 132-141.
9. Балакшин В.С. К вопросу о не предусмотренных в статье 75 УПК РФ основаниях признания доказательств недопустимыми // Российская юстиция. – 2024. – № 5. – С. 24-33.
10. Смирнов А.В. К вопросу о признании доказательств недопустимыми в уголовном процессе: экзистенциальный принцип // Уголовное судопроизводство. 2024. – № 3. – С. 20-23.
11. Ситников А. Е. Критерии признания доказательств недопустимыми в уголовном процессе Российской Федерации // Вестник науки. – 2023. – № 3 (60).
12. Есина А. С., Чиковани М. А. К вопросу об оценке доказательств на наличие свойства допустимости в ходе предварительного расследования // Государственная служба и кадры. – 2024. – № 3.
13. Исаенко В.Н., Власов Ю.Я. Судебная практика в информационно-аналитическом обеспечении прокурорского надзора за исполнением требований закона о допустимости доказательств // Уголовное право. – 2023. – № 2. – С. 59-65.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, конституционный запрет использования доказательств, полученных с нарушением закона в практике Верховного Суда Российской Федерации. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования раскрыта: "Методология работы основана на изучении актов Верховного Суда России, при использовании методов анализа и сравнительно-правового метода". Методология работы нуждается в уточнении - использование сравнительно-правового метода из статьи не усматривается, поскольку зарубежное законодательство автором не анализируется.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Конституционный запрет использования доказательств, полученных с нарушением федерального закона, является краеугольным камнем гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве. Однако его практическая реализация сталкивается с системными противоречиями, обусловленными коллизией между необходимостью обеспечения законности и стремлением к установлению материальной истины. Верховный Суд Российской Федерации, выступая в роли интерпретатора конституционных норм в судебных актах, иногда демонстрирует непоследовательность в оценке допустимости доказательств, что порождает дискуссии о пределах судебского усмотрения. Цель статьи — выявить ключевые проблемы применения конституционного запрета в практике Верховного Суда Российской Федерации и предложить модель его унификации, основанную на балансе между правами обвиняемого и публичными интересами". Дополнительно ученым необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "В связи с чем на настоящий момент в российской доктрине сохраняется дуализм подходов. С одной стороны, формальный запрет не допускает исключений, с другой — практика Верховного Суда Российской Федерации предусматривает возможность сохранения доказательной силы при «незначительных» нарушениях. Эта дилемма создает правовую неопределенность. При этом суды обязаны следовать подходу Верховного Суда Российской Федерации, т.к. их решение об исключении доказательства по формальному нарушению в любом случае может быть отменено высшим судом. Сам по себе подход к исключению доказательств при наличии только существенного нарушения верен, т.к. нельзя любое нарушение использовать как оправдание, если объективно установлена виновность достоверными данными. Но возложение на суды обязанности по оценке существенности доказательств является опрометчивым и порождает де-факто «принцип добросовестного нарушения» для правоохранительных органов, что не отвечает принципу законности"; "Отсутствие чётких границ между «существенными» и «незначительными» нарушениями создаёт стимул для следствия игнорировать процессуальные нормы, рассчитывая на «лояльность» суда. Например, несоблюдение права на защиту может быть оправдано ссылкой на «добросовестное нарушение» следователя.

Таким образом, «принцип добросовестного нарушения» трансформирует процессуальные гарантии в инструмент гибкого правоприменения, где интересы обвинения превалируют над защитой конституционных прав личности. Это ставит под вопрос реализацию ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации. Для преодоления существующей правовой неопределенности целесообразно систематизировать нарушения, влияющие на допустимость доказательств, через создание и законодательное закрепление иерархического перечня. Такой каталог должен четко дифференцировать степень существенности нарушений, основываясь на их связи с охраняемыми правовыми ценностями, и предусматривать соответствующие процессуальные последствия. Поскольку запрет на использование недопустимых доказательств вытекает из конституционных принципов, классификация нарушений должна отражать их значимость в контексте защиты прав человека, закрепленных как национальным, так и

международным правом" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. Основная часть статьи состоит из трех разделов: "«Период формальной законности» в отношении оценки нарушений, полученных при собирании доказательств"; "«Период изменчивости» в отношении оценки нарушений, полученных при собирании доказательств"; "«Период объективной истины» в отношении оценки нарушений, полученных при собирании доказательств". В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий.

Библиография исследования представлена 7 источниками (монографией, научными статьями, научно-практическим пособием). С формальной точки зрения источников должно быть не менее 10. Следовательно, теоретическая база работы нуждается в расширении.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (А. Шурыгин, В. В. Казначайский), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы аргументированы должным образом и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Таким образом, эволюция подходов к допустимости доказательств в российском уголовном процессе отражает глубокий конфликт между формальными гарантиями законности и прагматикой правоприменения. Введение «периода объективной истины» в 2017 году, закреплённого Постановлением Пленума ВС РФ № 51, сместило акцент с безусловного исключения нарушающих закон доказательств на оценку их существенности. Это породило «Принцип добросовестного нарушения», позволяющего сохранять доказательную силу материалов, полученных с процессуальными нарушениями, если суд обозначит их как незначительные. Однако отсутствие чётких критериев существенности привело к правовой неопределённости, ослаблению защиты прав обвиняемого и рискам злоупотреблений со стороны следствия. Дуализм между конституционным запретом и судебной практикой ставит под угрозу верховенство права, трансформируя процессуальные гарантии в инструмент гибкого обвинения. Для преодоления этих противоречий необходима систематизация нарушений через законодательное закрепление иерархического каталога, дифференцирующего их значимость. Предложенная классификация, основанная на приоритете конституционных прав, международных стандартов, уголовно-процессуального законодательства и технических ошибок, позволит устраниТЬ субъективизм в оценке доказательств. Открытый характер каталога, допускающий включение новых видов нарушений (например, связанных с цифровыми технологиями), обеспечит адаптацию к динамике правоприменения. Такой подход восстановит баланс между защитой личности и эффективностью уголовного преследования, минимизировав риски «добросовестных ошибок» и вернув процессуальным нормам роль гаранта справедливости, а не формальности"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере конституционного права, уголовного процесса при условии ее доработки: уточнении методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы (в рамках сделанного замечания), расширении теоретической базы работы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования:

В представленной на рецензирование статье показано исследование проблемы использования в практике суда недопустимых доказательств, которые автор видит необходимым отразить в ретроспективном анализе позиций Верховного Суда РФ, влияющих на гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве. Ситуация правовой неопределенности используется участниками процесса, не заинтересованными в объективном расследовании и разрешении уголовных дел. Заслуживает поддержки довод автора о том, что исследуемый вопрос в практике «сталкивается с системными противоречиями, обусловленными коллизией между необходимостью обеспечения законности и стремлением к установлению материальной истины». И в этом аспекте действительно есть некоторая обоснованность автора «проследить эволюцию подходов Верховного Суда РФ» для современного анализа и формулирования выводов о потенциальных изменениях и их закрепления в теории и практике.

Однако содержание исследования не сочетается с названием. Из названия не видится перспектив вывода по научной проблематике. В своем названии «Конституционный запрет использования доказательств, полученных с нарушением закона в практике Верховного Суда Российской Федерации» автор показывает читателю, что запрет имеется, однако содержание исследования автора не охватывает всего комплекса имеющегося конституционного запрета (например, нет теоретического понятия, его места и роли в науке в целом и пр.) Статья автора скорее направлена на исследование правовой неопределенности или возникшего дисбаланса в связи с изменением позиций Верховного Суда РФ. Содержание больше характеризуется ретроспективным анализом и практикой применения использования доказательств в связи изменения понимания при использовании в судебной практике конституционного запрета в интересах либо публичной власти, либо обвиняемого. Здесь речь идет больше о поиске преодоления проблем баланса интересов частного и публичного.

Методология исследования:

Автором статьи верно определены методы – исследование основано «историко-правовом подходе, сравнительно-правовом анализе, контент-анализе». В ходе исследования автор логично выстраивает мысль, опираясь на правовую доктрину и практику Верховного Суда РФ. Выводы сформулированы четко и на основании изложенных фактологических данных. В работе отсутствует разрывы в общей идее автора показать влияние «Периодов изменчивости и объективной мысли» на выводы по поводу «эволюции подходов к допустимости доказательств в российском уголовном процессе, которая отражает глубокий конфликт между формальными гарантиями законности и прагматикой правоприменения». Мысль изложена ясно и четко, содержание части описательной в исследовании соотносится с выводами.

Актуальность тематики

заслуживает внимания исследователей, поскольку смена политического курса страны, трансформация социальных приоритетов заметно повысили статус этой проблематики. Запрет на использование при осуществлении правосудия доказательств, полученных с нарушениями федерального закона, был установлен Конституцией РФ. Таким образом, проблема недопустимых доказательств из разряда отраслевых переросла в статус

проблемы конституционного масштаба. Автор справедливо обращает внимание, что «конституционный запрет использования доказательств, полученных с нарушением федерального закона, является краеугольным камнем гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве». Однако сам запрет служит средством конституционно-правового регулирования прав и свобод человека и гражданина в современной России. Именно поэтому заявленная автором тематика служит попыткой восполнить теоретические пробелы и устранить практические противоречия. И ее раскрытие в надлежащем аспекте должно стать фундаментальным и в то же время понятным для читателя.

Стилистика

в целом имеет юридический оттенок: представлен правовой и теоретический аппарат. Автор приводит доктринальные источники по теме исследования, излагает мысли четко и понятно не только для юриста-профессионала, но и в некотором смысле на обывателя – читателя. В тексте имеются необходимые оформления и сноски, приводится список литературы. Текст заслуживает внимания с точки зрения авторской мысли, проявлен индивидуальный стиль изложения с исключением «штампованных» фраз, одновременно имеется признаки научного стиля изложения материала.

Библиография

представляется охваченной, автор обращается к правовым конструкциям, которые доказаны юридической наукой. Автор приводит дискуссии ученых (например, о существующем в правовой доктрине формального подхода к необходимости исключения доказательств независимо от существенности нарушения исходя из прямого указания закона и др.) Теоретической базой исследования послужили фундаментальные разработки отечественных ученых в сфере правовой науки

Выводы, интерес читательской аудитории.

Работа представляет собой исследование теоретико-правовой основы, отражающей лишь некоторые вопросы темы исследования (заявленная автором тема слишком широкая в сравнении с содержанием), новизна вполне обоснована, имеющиеся выводы в конце подходят к теме исследования. Однако широта заявленной темы не портит положительную оценку работы автора о ретроспективе исследуемой темы, применения автором терминологического аппарата и понятийного содержания темы исследования. В представленном виде работа автора окажется интересной читателям.